

тил внимание, что колени у меня разбиты вдребезги и по ногам течёт розовая разбавленная кровь. Заметил, потому что нёсся через поле, согнувшись почти пополам, как будто перебежал линию фронта, а наверху гремело, шумело и сверкало.

Хозяйка ахнула, когда я поднялся на веранду, мокрый до нитки, в песке и водорослях. Свет во всём доме был погашен. Я снял с верёвки полотенце и пошёл в свою комнату.

Глава 5

Есть несколько человек, способных поднять моё настроение до заоблачных высот или испортить на несколько дней. Обитают эти люди в основном в Удельной и зовутся командой «Зенит».

Сейчас конец августа 2008 года. На «Петровском» и по Европе уже отгремели самые невероятные бои, и мы уже пережили те победы, которых ждали годы, если не всю жизнь. Но, прежде чем очки снова будут обнулены и всё начнется заново, нам предстоит сразиться за последний в евросезоне трофей.

...Часов с девяти вечера по ящику обсуждали предстоящий суперкубковый бой в Монако под картинку с толпами счастливых, штурмующих стадион. Пока я пытался впихнуть в сжимавшийся от волнения желудок ужин, пришла пора выдвигаться.

На улице уже стемнело до густой осенней черноты, и в рыжем свете фонарей серебрилась мелкая морось. Я выскочил из светлого нутра автобуса и зашагал в сторону метро «Чернышевская». Короткий ёжик волос и куртка быстро покрылись влагой, и я накинул капюшон. Вдобавок я постоянно наступал в лужи, потому что вообще-то плохо вижу в темноте, да мыслями я был слишком далеко, чтобы

ещё смотреть себе под ноги. Машину я не взял — в случае успеха за руль сесть не придётся, да и в случае провала не стоит... даже думать об этом! В бар я часто езжу на автобусе — есть у меня такая примета, — и как-то однажды я подсчитал шаги от остановки: их было около шестисот. Ещё сто — и вот уже знакомая синяя вывеска и под ней мокрые машины наших фанов. Едва я успел спуститься в полуподвал и плюхнуться на своё место, как команды вышли на поле, и, один за другим растягивая над головой «розы», мы запели гимн.

Спортбар — тот же стадион, только поменьше и в замкнутом пространстве. Если у всех хороший настрой, любой твой мандраж как рукой снимает. Но когда всё сине-бело-голубое наполнение бара психует, то психует как целый дурдом в первую весеннюю оттепель. Так вышло и сегодня — после первого гола под занавес тайма всеобщее хорошее настроение нащупало под собой почву и сменилось радостью, а после второго — буйным весельем. Мы уже вовсю пили за победу, за новую посудину в нашей коллекции, сверкали фотовспышки, и кто-то скакал в обнимку посреди зала... И тут сетка наших ворот вздрогнула от удара Видича.

Фаны посерьёзнили, быстро расселись за столы и начали шизить в прямом смысле этого слова, то есть потихоньку съезжать с катушек. Теперь каждый рывок манкунианцев к нашим воротам сопровождался отчаянным «Нет, нет, нет, не-е-е-ет!!!», хватаниями за сердце и шумным выдохом, когда мяч наконец уходил за боковую или к центру поля. Оставшиеся до конца 20 минут утомлённой черепахой ползли к финишу, за которым нас поджидала победа; и когда судья на бровке уже поднял табличку с компенсированным временем, откуда-то сверху толпы в штрафной прилетел мяч и, спикировав за Малофеева, заколыхался в сетке.

Первая мысль была про «коней», которым три года назад в матче за Суперкубок тоже забили под конец, вывели

на дополнительные таймы и обыграли в конце концов. А вторую мысль я додумать не успел, потому что бар взорвался дружным воплем, и мир вокруг слегка перекошило. Я стал догадываться, что гол не засчитан, и повернулся к сидевшему рядом Дане уточнить, а тот тарашил на меня неповторимо счастливые, безумные глаза, тряс меня за плечи и несколько раз прокричал, прежде чем я въехал: «Его удаляют! Скоулза удаляют!» Что было после, уже не отпечаталось в памяти, потому что когда Скоулз, шикарный волейбольный удар которого арбитр так и не заценил, убрался с поля, до конца оставались считанные секунды и никто уже ни в чём не сомневался. Свистка я не услышал — все пели, — я только видел, как судья вскинул вверх руки, и пение сменилось рёвом, не только у нас, но и за окнами бара, за улицами и каналами — везде!

Все поднимали бокалы, обнимались и обливались, пили, а потом оказались на улице. Кто-то распахнул дверцы машины, и теперь на всю улицу гремело «Мы всех сильнее!», и прохожие нам кричали, а проезжие сигналили. Отсыревший ночной воздух был пропитан радостью. Лёха запалил файер, и в его едком красном свете мы приплясывали и крутили над головами шарфы, здорово напоминая шабаш нечистой силы, а когда файер потух, фонари над улицей ещё долго казались зелёными.

Питер ликовал, и мы ломанулись в эту ночь, слились с толпами, останавливающими машины, и с теми, кто выскакивал из этих машин, чтобы расцеловаться с остановившими; мы были светом и шумом, мокрыми полотнищами флагов и пробками на дорогах, мы снова были счастьем в чистом виде, и мне жалко тех, кто спокойно спал в эту ночь.

Постепенно обитатели нашего бара, конечно, все потянулись, и в половине четвёртого утра я уже бродил по улицам с прежде незнакомыми парнями, мужиками, девчонками. Прибалдевший, охрипший и оглохший, я долгое время не обращал внимания на то, что кто-то кричит моё имя.